

Научная статья
УДК 101.1(314+316)
DOI 10.18101/1994-0866-2025-3-13-19

КОНЦЕПТ «МЯГКАЯ СИЛА»: СПЕЦИФИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ЗАДАЧИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© Истомина Ольга Борисовна

доктор философских наук,
заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин,
Иркутский государственный университет
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
olgaistomina@mail.ru

© Чиглинецов Ян Денисович

студент,
Иркутский государственный университет,
Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
wot419@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются задачи «мягкой силы» в условиях растущей агрессии международных контактов и кризиса дипломатических служб. Обосновано значительное влияние организованной формы «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей без использования военной составляющей. Задачи рассматриваются с позиций силового, инфлюентного, технологического, коммуникативного, конструктивистского, инструментального и ресурсного подходов. На основе анализа текущей политической картины мира предложены примеры форм «мягкой силы». Подчеркнута важность развития межгосударственного мирного конструктивного диалога на основе ресурсов «мягкой силы».

Ключевые слова: концепт «мягкая сила», подходы исследования «мягкой силы», политический дискурс, задачи «мягкой силы», организованная и неорганизованная «мягкая сила».

Для цитирования

Истомина О. Б., Чиглинецов Я. Д. Концепт «мягкая сила»: специфика интерпретации и задачи в современном политическом дискурсе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2025. Вып. 3. С. 13–19.

Введение. В условиях нарастания социально-политической неустойчивости и агрессивности общения международных контактов, кризиса дипломатической службы политика «мягкой силы» обретает все большее значение. Очевидно, что культурные связи и устойчивые контакты в сферах искусства, науки, образования, спорта и т. д. по-прежнему, несмотря на вызовы обостряющихся внешнеполитических кризисов, имеют перспективы проецирования социального взаимодействия и интеграции социальных, культурных, экономических, политических капиталов.

Подходы к интерпретации концепта. Трансляция термина стала активной в конце 20-го столетия ввиду поиска новых ресурсов «смягчения» политической повестки, в которой, по мнению Дж. Ная, требуется переоценка ресурсов влияния [1, с. 178].

Значимость концепта в политическом дискурсе определяет вариативность трактовок и дефиниций, демонстрирующих разность подходов.

Силовой подход представлен в работах О. Ф. Русаковой, где обозначен данный концепт как способ властвования [2]. На наш взгляд, наблюдается взаимоисключение лексических значений: уместно ли употребление «властвовать» в контексте «мягкости» и «ненасильственности».

Влиятельный или инфлюентный подход нашел отражение в трудах С. В. Новосёлова. В рамках подхода рассматривается ключевая характеристика приверженности правительств современных государств, в т. ч. России, принимать более мягкие формы влияния, на которые в дальнейшем будет опираться доминирование субъектов «мягкой силы» [3, с. 128].

Технологический подход актуализирует техносферу в системе социально-политической картины мира. Примеры влияния технологий на текущую повестку сегодня изобилуют. Принципы данного подхода раскрывает П. Б. Паршин [4], выделяет некое диалектическое сочетание в «мягкой силе» несилевых технологий с подчинением внешней среды собственным интересам субъекта. В качестве примера уместно привести культурную экспансию, становящуюся катализатором для переформатирования культурно-национальных ценностей объекта.

Раскрывая предмет *коммуникативного подхода*, стоит обозначить «мягкую силу» как метод результативной коммуникации, оказывающей воздействие путем внушения субъектом определённого образа мышления и поведения. Сторонником этого подхода является М. В. Харкевич. Его представления о концепте сводятся к первоочередности коммуникативных взаимоотношений между странами, в то время как материальная составляющая (как один из факторов благополучия страны, оказывающая воздействие) обладает меньшей значимостью [5, с. 23–24]. На наш взгляд, релевантно вспомнить практику Таиланда в кулинарной дипломатии, сертификации ресторанов по всему миру «Thai Select».

В рамках *конструктивистского подхода* доминируют идеи первоочередного положения в разработке сущности, определенных ценностей и идей, а также воздействия на разум целевой аудитории и формирование ее восприятия. Е. П. Панова пишет об объективности существования нашей реальности, объективном функционировании ее социальных структурных компонентов (всё есть результат социального конструирования, осуществленного с применением коммуникативного процесса) [6].

С 2013 г. в Российской Федерации концепция «мягкой силы» рассматривается как комплекс инструментов невоенной реализации внешней политики [7]. *Инструментальный подход* в понимании российской законодательной системы рассматривается как принятие комплекса мер, связанных с лоббированием и ведением информационной войны, в том числе применяя пропаганду [5]. На апрель 2025 г.

наиболее результативными усилиями российской дипломатии в недружественных странах, на наш взгляд, стоит обозначить опыт лобби России в Венгрии. Благоклонность венгерского премьера В. Орбана к нашей стране во много обусловлена статусом России как энергетической сверхдержавы, которая не имеет критического несогласия вести дела в Европе даже в условиях её враждебности. Силами наших специалистов из «Росатома» на Дунае достраивается жизненно важная для Венгрии АЭС «Пакш-2». Деятельность этой госкорпорации служит одним из мостов для перехода российского лобби в Будапеште в своего рода пророссийское лобби Венгрии в Европейском Союзе, характер которой можно определить исходя из систематической блокировки В. Орбаном пакетов европейских антироссийских санкций и защиты российской атомной энергетики в Европе. Кроме этого, разыгрываемая консервативно-традиционалистская карта российскими масс-медиа в зарубежном пространстве находит отклик и симпатию у право-ориентированных политических сил в Венгрии, Словакии, Румынии, Германии, Франции и других европейских государствах, которые начинают ощущать губительность чрезмерной глобалистской либеральной повестки, диктуемой европейским истеблишментом.

О. Г. Леонова в рамках ресурсного подхода делает вывод, что «мягкая сила» — это прежде всего фонд ресурсов страны гуманитарного характера, которые реализуются посредством имеющегося комплекса технологий [8]. Ресурсы страны хоть и являются неотъемлемой частью «мягкой силы», но не менее важную функцию играют технологии, позволяющие эти ресурсы использовать.

Вариативность подходов к определению концепта не отрицает единого семантического сегмента — «влияние». С точки зрения классического определения «мягкой силы» Дж. Наем предполагается влияние через привлекательность, однако в условиях геополитической конкуренции мы можем наблюдать двойственную природу данного феномена: помимо конструктивного влияния через привлечение возможны и деструктивные формы воздействия, включая политическую дискредитацию, деконструкцию ценностных установок объекта и гибридную агрессию.

Дискредитация ценностей объекта воздействия может быть включена в рамки концепта «мягкой силы» лишь условно, поскольку она базируется на стратегии минимизации или полного уничтожения привлекательных ресурсов объекта, отражающих его идентичность. Следовательно, такая форма коммуникации переходит в сферу «мягкого принуждения», сохраняя при этом коммуникативную природу влияния, но теряя аспекты добровольности, которые являются фундаментальными для определения «мягкой силы».

Задачи «мягкой силы» в современном политическом дискурсе. Взаимоотношения государств как субъектов на мировом политическом поле осуществляются в контексте международного взаимо- или противодействия. Реализация внешнеполитической деятельности государств связана с национальными интересами, которые дуалистичны в своей природе: во-первых, это внутреннее благополучие, во-вторых, внешняя безопасность. Внешнеполитическая активность государства не ограничивается политической и экономической стабилизацией в пределах своей национальной территории. Для формирования своего геополитического

могущества государствам необходимо выстроить определённый образ на международной арене, а в будущем стать бенефициаром этого образа.

На наш взгляд, наиболее обобщенной задачей «мягкой силы» стоит обозначить содействие государству в осуществлении процесса *достижения внешнеполитических целей без использования военной составляющей*. Этот подход основан на использовании неконфронтационных методов и инструментов в ходе реализации воздействия на объекты «мягкой силы», а также на формировании имиджа субъекта, способствующего развитию позитивного отношения как со стороны иностранных государств, так и со стороны международной общественности. Однако упущение в данной интерпретации состоит в том, что результативность «мягкой силы» на международной арене прямо зависит от ее устойчивости внутри страны. Необходимо признать, что данный концепт следует воспринимать не только как экстерриториальное явление, но и как внутривнутриполитическую технологию легитимации власти и ценностного порядка. Можно констатировать, что внутренняя достоверность ценности является необходимым условием ее внешней релевантности. Если государство декларирует определенные идеалы — будь то демократические принципы или коммунистические идеологии, но при этом не реализует их в полной мере на государственном уровне, это порождает когнитивный диссонанс, который подрывает доверие как со стороны внутренней аудитории, так и международного сообщества. В этом случае транслируемая «привлекательность» государства становится неискренней, что ощутимо умаляет ее действенность.

Кроме того, «мягкую силу» можно и нужно подвергать анализу как инструмент политической борьбы внутри государственного пространства. Политические элиты, партии, движения и другие акторы активно используют коммуникационные стратегии, культурные символы и нарративы для *формирования собственного имиджа, легитимизации своей повестки* и дискредитации противоположных позиций. Это особенно актуально для поляризованного общества, где борьба за власть происходит не через принуждение, а через манипуляцию смыслами и ценностями. Недавнюю схватку «трампизма» и «байденизма» в США можно проанализировать в контексте предмета исследования. Обе стороны выступают в роли противоборствующих проектов «мягкой силы»: первый использует нарративы о «великом перезапуске», национальном суверенитете и возрождении «великой Америки», второй — о справедливости, равенстве и международной ответственности. Оба формулируют альтернативные мировоззренческие ориентиры, направленные на мобилизацию электората через эмоциональную и когнитивную вовлеченность, а не через рациональные аргументы или материальные стимулы.

В перечне задач «мягкой силы» приоритетными в условиях нарастания конфронтации являются вопросы позитивизации межстранового диалога для исключения угроз экзистенциального порядка. В арсенале концепта варианты взаимодействия на уровне социальных институтов экономики, образования, науки и культуры, туризма. Кроме того, Россия сохраняет и развивает дипломатические инструменты, демонстрируя значительное преимущество школы дипломатических отношений. О. В. Столетов расширяет спектр формами «результативных

мероприятий, способствующих экономической интеграции и распространению инноваций» [9, с. 177].

Формы «мягкой силы». Анализируя концепт «мягкой силы» в современной международной практике, необходимо выделить важное различие между организованной и неорганизованной формами ее проявления. Данную дихотомию можно рассмотреть, скажем, в трех ключевых аспектах: целеполагание, временной фактор, внутренняя устойчивость субъекта.

Организованная «мягкая сила» в аспекте целеполагания характеризуется наличием конкретных внешнеполитических целей, которые формулируются на уровне государственной стратегии или политики влиятельных транснациональных институтов. Она предполагает системное планирование, координацию усилий различных государственных и негосударственных структур, направленных на достижение конкретного результата — будь то усиление привлекательности страны или заключение долгосрочных партнерских соглашений. Яркий пример организации «мягкой силы» — «Россотрудничество», где «мягкая сила» реализуется через образовательную экспансию, языковые курсы и культурные обмены, что последовательно укрепляет имидж Российской Федерации как центра знаний и инноваций.

Напротив, неорганизованная «мягкая сила» не имеет явно выраженного целеполагания и возникает спонтанно как побочный эффект других процессов, например, распространения массовой культуры, цифровой коммуникации или личного влияния публичных фигур. Ее эффективность зависит от случайных факторов и восприятия аудиторией, а потому она менее управляема и предсказуема. К такому типу можно отнести глобальный успех корейской поп-культуры, который изначально не был частью официальной стратегии Южной Кореи, но стал мощным ресурсом ее «мягкой силы» благодаря эмоциональному воздействию на молодежную аудиторию.

С точки зрения временного контекста организованная «мягкая сила», как правило, ориентирована на долгосрочные результаты, поскольку формирование положительного образа требует временных затрат. Напротив, неорганизованная «мягкая сила» часто действует в краткосрочной перспективе и имеет характер вирусного распространения.

Эффективность как организованной, так и неорганизованной «мягкой силы» напрямую зависит от состояния внутренней среды субъекта, использующего этот инструмент. В случае устойчивой внутренней среды, когда ценности, декларируемые государством, находят своё воплощение в реальных политических, социальных и экономических практиках, «мягкая сила» демонстрирует свою эффективность. В условиях неустойчивой внутренней среды, когда наблюдается разрыв между декларируемыми идеалами и их реализацией, даже хорошо организованные кампании «мягкой силы» могут вызывать скепсис и даже терять свою легитимность.

Неорганизованная «мягкая сила» в этом плане еще более уязвима, поскольку ее спонтанность и отсутствие связи с реальностью внутренней политики делают ее легко подверженной критике и дискредитации.

Заключение. В сложных социальных условиях «мягкая сила», без сомнения, есть потенциал и значимый элемент государственной стратегической программы. В его основе формы взаимодействия через социальные, культурные, научные, образовательные, творческие связи для налаживания полного взаимного диалога и решения задач межкультурного диалога.

В современных политических реалиях все более острым становится вопрос о ресурсности «мягкой силы». Ее потенциал возрастает в связи со снижением диалогового окна России на внешнеполитической арене и санкционного давления контрагентов. Концепции национальной безопасности и внешней политики направлены на развитие межгосударственного мирного конструктивного диалога.

Литература

1. Nye J. S. *Bound to Lead: the Changing Nature of American Power*. New York, 1990, 336 p.
2. Русакова О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 173–192. Текст : непосредственный.
3. Новоселов С. В. «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3. С. 126–131. Текст : непосредственный.
4. Паршин П. Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 14–21. Текст : непосредственный.
5. Харкевич М. В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 22–29. Текст : непосредственный.
6. Панова Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4. С. 93–97. Текст : непосредственный.
7. Концепции внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г. // ГАРАНТ. РУ: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 02.02.2025). Текст : электронный.
8. Леонова О. Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель — Observer. 2015. № 2. С. 27–40. Текст : непосредственный.
9. Столетов О. В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: Smart power // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 173–178. Текст : непосредственный.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.

THE CONCEPT OF "SOFT POWER": SPECIFIC INTERPRETATION AND TASKS IN CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE

Olga B. Istomina

Dr. Sci. (Philosophy),

Head of Social and Economic Disciplines Department

Irkutsk State University

1 Karla Marks St., Irkutsk 664025, Russia

olgaistomina@mail.ru

Yan D. Chiglintsev
Student,
Irkutsk State University
1 Karla Marks St., Irkutsk 664025, Russia
wot419@mail.ru

Abstract. The article analyzes "soft power" tasks under the conditions of increasing international aggression and crisis of diplomatic services. We have substantiated the significant role of organized soft power in achieving foreign policy goals without resorting to military force, and considered its tasks from the perspectives of force, influence, technology, communication, constructivist, instrumental, and resource-based approaches. An analysis of the current political picture has allowed us to propose the examples of soft power forms. It is emphasized the importance of developing interstate peaceful constructive dialogue based on soft power resources.

Keywords: the concept of soft power, approaches to the study of "soft power", political discourse, soft power tasks, organized and unorganized "soft power".

For citation

Istomina O. B., Chiglintsev J. D. The Concept of "Soft Power": Specific Interpretation and Tasks in Contemporary Political Discourse. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2025; 3: 13–19 (In Russ.).

The article was submitted 01.09.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 22.09.2025.